

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ II

(с 4 таблицами и 5 рисунками в тексте)

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1927

татар, как светлое явление на мрачном фоне засилия в печатном деле представителей старозаветной религиозной литературы (стр. 98—99, 103—104). С тех пор, особенно же с 1917 года характер поволжско-татарской печати решительно изменился,¹ и обзор современных печатных изданий Татареспублики, если бы у кого-нибудь нашлось время для его составления, произвел бы несомненно еще более сильное впечатление на интересующихся Востоком и в частности новым Востоком, чем упоминаемый проф. В. Д. Смирновым перечень середины XIX века академика Дорна.²

Ограничиваясь за недостатком времени краткой заметкой об одном только сборнике «Татарский театр», обращаем в заключение внимание Ленинградских востоковедов на необходимость выдвинуть из своих рядов отдельного специалиста по изучению языка и литературы поволжских татар.

А. Самойлович.

25. टाल्स्टाय की कहानियां, लेखक - काउन्ट टाल्स्टाय, सम्पादक - प्रीयुक्त प्रेमचन्द, प्रकाशक - हिन्दी पुस्तक एजेन्सी प्रथम बार मूल्य १) कलकत्ता १६८०.

Talstāy ki kahāniyān. Lekhak kāunt Talstāy, sampādak çriyukt Prem Chand, prakāṣak «Hindi pustak Agency» prathama bār, mūlya 1 rup. Kalkatta, 1980, т. е. «Рассказы Толстого. Автор граф Толстой. Обработка почтенного Прем Чанда. Издатель «Hindi pustak Agency», первое издание. Цена 1 рупия. Калькутта, 1980 (от Викрамадитьи), т. е. 1924.

Научное изучение новоиндийских языков и литератур в Европе находится в зачаточном состоянии. Несмотря на огромное количество практических руководств для изучения новоиндийских языков, особенно хиндустани, начало научному их исследованию положено только в последние годы. Европейская индология почти все свое внимание направляет на санскрит и его литературу, меньший интерес для нее представляют среднеиндийские и минимальный — новоиндийские языки и литературы.

Иллюстрацией к этому факту может служить история индийской литературы Винтерница.³ В ней, при общем объеме в три больших тома, новоиндийским литературам — на всех арийских и дравидийских языках — уделяется всего лишь около 27 страниц, из которых семь посвящено

¹ См. блестящий очерк талантливого питомца Казанского университета (ученика проф. Фирсова), проф. Губайдулина خان امير خان و فاتح ادبياتي و يكتي تاتار ادبياتي в изданном от имени Азербайджанского Литературного Общества сборнике № 1 ادبی پارچه‌لار (Баку, май 1926 г.), стр. 60—79 (с указанием предшествующих работ).

² Chronologisches Verzeichniss der seit dem Jahre 1801 bis 1866 in Kasan gedruckten... Werke (Bulletin de l'Acad. etc., t. V). Mélanges Asiatiques etc. V, 533—649.

³ Winternitz, Geschichte der indischen Litteratur. Leipzig, 1907—1920.

Тагору, главным образом потому, конечно, что произведения Тагора переведены на европейские языки.

Если к этому прибавить, что термин «новоиндийские» литературы очень условный, и что ряд «новоиндийских» литератур считает за собою уже тысячелетнюю давность, то указанный факт становится еще более разительным.

С несомненностью можно утверждать, что изучение в Европе древнеиндийского языка и его литературы идет параллельно с уменьшением значения их в культурной жизни Индии, где могущественными факторами становятся новоиндийские языки и литературы, дающие массу как оригинальных произведений, так и переводов с европейских языков.

Европейская художественная литература в последние десятилетия вызывает живейший интерес в Индии. В ней наблюдается значительно более глубокое знание новой европейской литературы, чем в Европе — новоиндийской. На новоиндийских языках ежегодно появляется большое количество переводов с европейских языков литературы технической, научной, — в том числе исторической — и художественной.

По весьма понятным причинам больше всего привлекает внимание индусов литература английская. Ее важнейшие произведения имеются в переводах на различные новоиндийские языки. С английских же переводов сделано большинство переводов немецких и французских авторов, как Гримма (сказки), Жюль Верна, Шекспира, Анатоля Франса и т. д.¹

Из русских авторов наибольший интерес в Индии вызвал Л. Толстой, пользовавшийся при жизни большою популярностью среди индийских мусульман и индуистов. Сам вождь движения *asahayog*, т. е. «несотрудничества» (англ. non cooperation) Ганди (Gāndhi) состоял в переписке с Л. Толстым и называл себя его «покорным последователем» (a humble follower of yours).²

По возвращении из Африки Ганди усиленно пропагандирует в Индии изучение произведений Толстого, причем наибольшую ценность признает за его произведениями морально - философского характера.

Индийская интеллигенция, прекрасно владея английским языком, знакомилась с произведениями Толстого по английским переводам.

После войны и русской революции интерес к России в Индии еще более возрос. Несмотря на то, что правительственные учебники истории на новоиндийских языках почти совсем исключают самое имя России и, например,

---

¹ Sayyid Abdu'l-Latif, The influence of English literature on Urdu literature. London, 1924.

² Бирюков, Толстой и Восток. «Нов. Восток», кн. 6, стр. 392 — 396.

совершенно не упоминают ее в истории мировой войны,¹ индийское общество проявляет живой интерес к Советской России, выражением чего являются многочисленные статьи в газетах и других периодических изданиях, отдельные брошюры и книги. За относительно короткий срок существования советской власти на одном только хинди явилось несколько «Историй советской России».²

На общем фоне повышенного интереса к России с новой силой пробудился интерес к Л. Толстому, причем индийские почитатели Толстого стремятся продвинуть в широкие народные круги идеи Толстого, всячески облегчая понимание их. Переделка рассказов Толстого и издание их на хинди осуществлено с этой именно целью, так как индийская интеллигенция довольствовалась английскими переводами.

На хинди рассказы Толстого обработаны Прем Чандом (Prem Chand), крупнейшим писателем современной Индии, автором многочисленных рассказов, повестей, романов и драм. Его сборники повестей и рассказов *Sapta-sagoj* («Семь лотосов»), *Prempurnimā* («Полнолуние любви»), *Prempachisi* («Двадцать пять рассказов о любви»), роман *Premāṣṭam* («Обитель любви») и др. переведены на целый ряд современных индийских языков. За его «блестящее дарование, знание человеческой природы, искусство изображения, занимательность сюжетов и мастерское владение языком» туземная пресса считает его величайшим романистом современности. Уже тот факт, что в заглавии нескольких его произведений входит слово *prem*, т. е. «любовь», дает некоторое основание думать, что Прем Чанд является последователем идей, выраженных Л. Толстым в его «Письме к Индусу», о любви, как «могущественном факторе в человеческих взаимоотношениях». Чтение же произведений Прем Чанда убеждает нас в глубоком влиянии на него идей Толстого. Так, в одном из последних романов Прем Чанда его герой основывает своеобразную сельскохозяйственную общину, близко напоминающую наши толстовские общины.

Ни в тексте, ни в предисловии издателя нет никаких прямых указаний на то, с какого языка сделан перевод. Однако уже тот факт, что Толстой

---

¹ Так, в одном из учебников по истории (मर्सेडन, हिन्दूस्तान की हिन्दी तवारीख Marsden, Hindustān ki hindī tawārīkh, Калькутта, 1919), книге широко распространенной и являющейся учебником в правительственных школах, мы находим такой перечень участников мировой войны: «Со стороны «центральных держав» принимали участие следующие государства: Германия, Австрия, Болгария и Турция, со стороны держав Антанты участвовали: Франция, Англия, Соединенные Штаты Северной Америки, Бельгия, Сербия и некоторые другие незначительные (shhote se) государства» (стр. 154). Россия не упомянута!

² Ср. Prof. Prāpnath Vidyalāikar, *Rus kā rājsūyatī gāṇya* (т. е. «Советская Россия»). Калькутта, 1924 и много других.

пишется टाल्स्टाय Talṣṭay, а не ताल्स्टाय Talstay, заставляет думать, что переводчик пользовался английским текстом; в этом мы убеждаемся вполне, найдя в предисловии вместо «Анна Каренина» — «Епи Karenina».

В предисловии издательство объясняет, почему оно остановилось именно на «рассказах», и отмечая достоинства их, тем самым указывает на принципы, которых держался Прем Чанд, обработавший рассказы. Предисловие это звучит следующим образом.

«Граф Толстой, как известно, написал много, и в настоящее время в Европе нет языка, на котором бы не было перевода его произведений; однако, в зрелом возрасте, когда окончательно установились его общественные и религиозные взгляды, он из своих произведений эти рассказы ставил выше всего. «Анна Каренина», «Севастопольские рассказы» и др. произведения пали в его глазах. Он полагал, что главное достоинство литературы — пробуждение любви ко всем людям. Ее язык и идеи — то и другое — должны быть так просты, чтобы для понимания ее не представлялось никакой трудности даже простому крестьянину. Некоторые рассказы достигают такой высоты, что является мысль, будто они взяты из ураниад. Язык столь легкий и живой, что в чтении найдут удовольствие даже дети».

Переведен 21 рассказ:

1. «Бог правду видит, да не скоро скажет» — Kṣamādān («Милосердый»).
2. «Кавказский пленник» — Rājput qaidī («Раджпут пленник»).
3. «Охота пуще неволи» — Dhruv nivasī rich kā çikār («Охота на медведя»).
4. «Чем люди живы» — Manuṣya kā jīvan ādhār kya hai («Что поддерживает жизнь человека»).
5. «Упустишь огонь — не потушишь» — Ek chingārī ghar ko jalā detī hai («От одной искры дом загорается»).
6. «Два старика» — Do vriddh purush («Два старика»).
7. «Где любовь там и бог» — Prem meñ paramēṣvar («В любви бог»).
8. «Сказка об Иване дураке» — Murkh Sumant («Сумант дурак»).
9. «Добрый господин» — Dayālu svāmī («Добрый господин»).
10. «Девочки умнее стариков» — Bāl līlā («Игра детей»).
11. «Ильяс» — Sukh tyāg meñ hai («Счастье в лишениях»).
12. «Как чертенок краюшку хлеба выкупал» — Bhūt aur rōtī («Чорт и хлеб»).
13. «Сколько человеку земли нужно» — Ek admī kō kitnī bhūmī chāhiye («Сколько человеку земли нужно»).

14. «Зерно с куриное яйцо» — *Andeke barābar dānā* («Зерно с куриное яйцо»).
15. «Крестник» — *Dharm putra* («Духовный сын»).
16. «Кающийся грешник» — *Dayāmaṃa kī dayā* («Милосердие милосердного»).
17. «Суратская кофейня» — *Sūrat kā chāykhānā* («Суратская чайная»).
18. «Дорого стоит» — *Mahaṅgā saudā* («Дорогой товар»).
19. «Ассирийский царь Ассархадон» — *Raj Drigpal aur Chandrdev* («Раджа Дригпал и Чандрдев»).
20. «Труд, смерть и болезнь» — *Rog aur mṛtya* («Болезнь и смерть»).
21. «Три вопроса» — *Tīn pṛaṣṇ* («Три вопроса»).

Язык Прем Чанда превосходный. Живой, образный, простой; хотя он строго придерживается канона классического хинди и в отличие от Толстого, которого он в подлиннике, правда, не знал, он народных форм не вводит; однако словарь и синтаксис его легко доступны и мало образованному человеку. В местах, где ведутся беседы на религиозные темы, его язык несколько перегружен санскритизмами, соответствующими славянизмам Толстого, но тем не менее он и в этом отношении не переходит известных границ. Мусульманские элементы словаря, вошедшие в народный язык, не изгоняются Прем Чандом, и он относится к ним вполне терпимо.

Уже простой перечень названий отдельных рассказов показывает, что Прем Чанд относился довольно свободно к тексту Толстого, хотя бы и на английском языке. Ряд рассказов получили названия от него, причем некоторые из них, как например «Раджпут пленник», указывают на то, что действие их переносится в Индию.

Дадим полный перевод одного из наиболее коротких рассказов, который к тому же, являясь менее всего измененным, может служить примером наиболее точной передачи, а именно рассказа «Девочки умнее стариков».

• Игра детей.

Это было во время праздника Холи.¹ Так как ночью выпал дождь, то по улицам деревни текли ручейки. В одной деревне две маленькие девочки, одетые в новые платья, выйдя на улицу, стали играть. Майя так топнула ногой о землю, что брызги грязи попали в глаза Деваки и испортили ей рубаху. Майя, испугавшись, хотела убежать, как вдруг прибежала мать Деваки. Увидев, что Деваки плачет, она дала Майе пощечину.

---

¹ Большой индийский праздник приблизительно во время весеннего равноденствия.

Майя стала громко плакать. Ее мать, услышав ее крики, прибежала и сказала: «Что случилось? Зачем бьешь мою дочку?» Слово за слово, она и мать Деваки стали осыпать друг друга бранью.

Постепенно из других домов вышли другие (люди) и вступили в драку. Одна старуха сказала: «Что вы делаете? Сегодня день Холи. К чему эта драка? Перестаньте, успокойтесь!» Но кто стал слушать? — Наконец, Майя и Деваки остановили драку следующим образом.

В то время, как здесь мужчины и женщины все дрались, там Деваки помирилась с Майей и, подойдя к ней, снова начала игру. Вдвоем они провели из лужи канавку и начали пускать по ней травинки. Одна травинка поплыла. Обе побежали за ней и прибежали туда, где происходила драка.¹ Старуха, увидя подбежавших детей, сказала: «И вам не стыдно? Вы деретесь из-за детей, или из-за чего другого? В то время как они, бедняжки, по любви своей все забыли и принялись за свою игру, вы затеяли драку. У девочек больше ума, чем у вас».

Все замолкли и вспомнили слова махатмов: «Пока человек не очистит свою душу как дети, он не может достигнуть господ».

Приведенный рассказ сравнительно с другими подвергнулся небольшому изменению.

Значительно больше индианизированы другие рассказы, например:

«Ek admi kō kitu bhūmi chāhiyē».

«Много ли человеку земли нужно».

Толстой.

Приехала из города старшая сестра к меньшей в деревню. Старшая за купцом была в городе, а меньшая за мужиком в деревне.

Стала старшая сестра чваниться— свою жизнь в городе выхвалять: как она в городе просторно и чисто живет и ходит, как она детей наряжает, как она сладко ест и пьет и как на катанья, гулянья и в театры ездит.

Прем Чанд.

Однажды Урмила приехала в деревню в гости к своей младшей сестре Нирмиле. Урмила была замужем за богатым купцом, а Нирмила за бедным крестьянином в деревне.

Урмила.² Нирмила, если бы мне пришлось жить в деревне, то я никогда бы не могла привыкнуть. Смотря — мы, живя в городе, как прекрасно одеваемся, едим различные изысканные кушанья, смотрим теа-

¹ Дословно: «Где разгорелась эта Mahābhārata».

² Драматизированная форма, примененная в этом, как и в других рассказах, является обычной для индийских романов, повестей и рассказов.

тральные представления и зрелища, гуляем в парках и садах и всегда наслаждаемся удовольствиями.

Обидно стало меньшей сестре, и стала она купеческую жизнь унижать, а свою крестьянскую возвышать.

Нирмила (гордо):

Не променяю я, говорит, своего житья на твое. Даром, что серо живем, да страху не знаем. Вы и почище живете, да либо много на торгуете, либо вовсе проторгуетесь. И пословица живет: барышу на клад — большой брат. Бывает и то, нынче богат, а завтра под окнами находишься. А наше мужицкое дело вернее: у мужика живот тонок, да долог; богаты не будем, да сыты будем.

Ты говоришь это мне? Да я бы никогда не поменялась с тобою! Конечно, мы кушаем грубую простую пищу, но нас не наполняет днем и ночью забота. Вас же всегда гнетет забота. Убыток и прибыль — два родные брата. Кто сегодня раджа, тот завтра нищий. Здесь же всегда живут спокойно. Крестьянин не может сделаться богачем, но никогда не может быть у него недостатка в пище и одежде.

Приведем еще несколько параллелей из того же рассказа:

У Толстого — Пахом продает (для покупки земли) «жеребенка да пчел половину». У Прем Чанда — Матура продал хлеб и быка.

Сёмка, срубивший несколько деревьев, получает имя Даярама.

Вместо Заволжья, куда уходит на новые места Пахом, Матура отправляется в Пенджаб.

Пахом «до Самары плыл по Волге вниз на пароходе, потом пеший верст 400 прошел». У Прем Чанда: «В то время железных дорог не было. С трудом пройдя пешком 300 миль, он прибыл туда».

Пахом из-за Волги идет в башкирские земли; Матура — в Гуджерат.

Подобный же способ пересказа находим и в рассказе «Дауѣтауа кі дауѣ» — «Милосердие милосердного» («Кающийся грешник»).

У Толстого грешник стучится в двери рая; на его стук с ним говорят Петр апостол, пророк Давид, которые его не пускают в рай. Двери рая открывает ему Иоанн богослов.

У Прем Чанда «обличитель» Толстого получает имя Читрагупта. На стук грешника откликаются Йогешвара (Шива), Яжнявалкия, Будда и наконец Кришна.

Подобно тому, как Толстовский грешник вспоминает о земной жизни

святых, грешник Прем Чанда говорит о жизни Йогешвары, Будды и Кришны.

Примером сильно измененного рассказа может служить «Бог в любви» («Ргеи теи рагатѣсвар»), соответствующий рассказу «Где любовь, там и бог».

Здесь не только изменены личные собственные имена и география Толстого, но и весь рассказ переработан заново. Вместо сапожника является торговец (ваниа), очевидно, потому, что сапожник, как лицо очень низкой касты, не может по индийским понятиям читать священную книгу Рамаяну, которой заменено евангелие. Введение торговца вместо сапожника заставило Прем Чанда сочинить новое начало.

Толстой.

«Где любовь там и бог».

Жил в городе сапожник Мартын Авдеич.

Жил он в подвале в горенке об одном окне. Окно было на улицу. В окно видно было, как проходили люди; хоть видны были только ноги, но Мартын Авдеич по сапогам узнавал людей. Мартын Авдеич жил давно на одном месте, и знакомства у него было много.

Работал Авдеич прочно, товар ставил хороший, лишнего не брал и слово держал. Если может к сроку сделать — возьмется, а если нет, так и обманывать не станет, вперед говорит.

(У Авдеича после смерти других детей остался мальчик).

...Только подросток мальчик, стал отцу помогать, только бы на него радоваться, напала на Капитошку болезнь, слег мальчик, погорел недельку и помер

Прем Чанд.

«Бог в любви».

В одной деревне жил торговец по имени Мурат.

На улице была у него небольшая лавочка. Много времени прошло, как он жил там; поэтому он прекрасно знал всех тамошних жителей.

Он никогда не обвешивал ни на один dhel¹ и не продавал очищенного коровьего масла (ghī), смешанного с растительным. Если товар был не хорош, то откровенно говорил об этом покупателю, не вводил в обман.

...Вырос, и в возрасте двадцати лет и этот мальчик отправился в мир Ямы.²

¹ Dhel — 1/4 копейки.

² Яма — бог смерти.

...И вот зашел к Авдеичу от Троицы земляк старичек — восьмой уж год странствовал.

(Старик сказал, что нужно жить для бога). Мартын говорит:

«А как же для бога жить то?» И сказал старичек: «А жить как для бога, то нам Христос показал. Ты грамоте знаешь? Купи евангелие и читай, там узнаешь, как для бога жить. Там все показано».

Мартын читает евангелие от Луки, главу VI. У Прем Чанда Мурат читает «Рамаяну», при чем содержание стихов, конечно, значительно отличается от евангельских. После чтения Мурат ожидает не Христа, а Кришначандру.

Несмотря на то, что действие происходит повидимому в Центральной Индии, снег сохранен, только расчищает его не Степаныч, а кули, старый Лалу.

Лалу, в ответ на ожидания Мурата, говорит: «Если ты любишь господу, то он непременно покажется», — меж тем как Степаныч только слушает.

Как и у Толстого после Степаныча, Мурат после Лалу видит проходящих солдат.

Вместо «в чищенных калошах хозяин из соседнего дома...» — «пришел какой-то крестьянин».

Булочник (rotivālā) сохранен.

Проходит женщина; но у Прем Чанда ее ребенок не плачет, они только оба прозябли.

Вместо обеда, который предлагает Авдеич женщине, Мурат дает сладости ребенку.

Вся сцена, как сапожник забавляет ребенка, у Прем Чанда выпущена.

У Толстого старуха торговка несет лукошко с яблоками, а через плечо держит мешок щепок. У Прем Чанда торговка несет на голове корзину с яблоками, а на спине мешок с зерном.

...Однажды зашел к нему в гости его старый друг, который восемь лет ходил по святым местам (tirthā-yātra).

(Друг советует Мурату мужаться, полагаясь на бога).

Мурат. Благоволите указать средство для укрепления души.

Друг. Неустанно слушайте, читайте, размышляйте о Багавадгите, Бактамале и других книгах. Приступите к изучению книг, которые дадут четверной плод: благое, полезное, приятное и спасение (dharma, artha, kāma, mokṣa).

Толстой говорит, что Авдеч рассказал старухе притчу о том, как хозяин простил оброчнику весь долг. У Прем Чанда приводится вся притча.

Таким образом, «Talstaj ki kahāniyān» не есть перевод, а свободная переделка рассказов Толстого. Впрочем, и само слово «samrādak», как назвал себя Прем Чанд, означает скорее переделыватель, чем переводчик.

Для перевода выбраны именно те произведения, которые легче всего поддаются обработке; в переделке Прем Чанда они приобретают вполне индийский характер, и издатель совершенно прав, говоря, что рассказы представляются произведениями самого Прем Чанда.

Для индуизирования Прем Чанд пользуется следующими приемами.

Все русские имена лиц заменены индийскими, равным образом и географические. Кроме указанных примеров, приведем еще несколько мест:

В сказке «Сумант дурак» (Sumant murkh), соответствующей «Сказке об Иване Дураке» Толстого, три брата — Семен, Тарас и Иван обращаются в Виджай (Viḷaj), Тара (Tara) и Суманта (Sumant). Так как действие сказки перенесено в Индию, то вместо похода Семена «против индейского царя» Виджай отправляется против царя Цейлона (Lañka), в другом контексте против Майсурского раджи.

В рассказе «Милосердый» («Kṣamadān») — «Бог правду видит, да не скоро скажет», вместо купца Аксенова, живущего во Владимире, купец Bhaḡirath живет в Дэлн.

В рассказе «Дорогой товар» (Maḥaṅgā saudā) — «Дорого стоит» — вместо Монако, расположенного «между Францией и Италией, на берегу Средиземного моря», представлено маленькое государство в Индии — Майпури.

Вместо «Кавказского пленника» у Прем Чанда «Раджпут пленник» (Rājput qaidi); при этом изображается война между раджпутами и маратами.

В рассказе «Два старика» (Do vriddh purush) вместо Ефима Тарасыча Шевелева — Арджун (Arjun), а вместо Елисея Бодрова — Мохан (Mohān). Арджун и Мохан, как индусы, идут молиться не в Иерусалим, а в Бадринараяну (Badrinārgāyana); они проходят не через Украину (Хохлатчину), а через страну горцев (raḥāḡī), а на пути Арджун проходит не через Одессу, а через «Devargaḡg»; вместо Афона является «jagannath».

Только в одном рассказе — «Суратская кофейня» (Sūrat kā chāy-khānā) сохранена география, но Прем Чанд уточнил ее, указав, что г. Сурат лежит в Бомбейской провинции.

Далее, Прем Чандом вытравлены все черты, которые связывают произведения с русским бытом; так, действующие лица являются не христианами, а индустами; евангелие заменено «Рамаяной» Tulsi Das'a,

Bhaktamālā и другими; вместо Христа и христианских святых являются махатмы и Кришна. Праздники — не христианские, а индийские. Умирая, идут в Ямалок (царство Ямы).

Вместо исправника выступает «кагмасāgi»; крестьяне пахут не лошадьми, а быками и т. д.

Стремление индуизировать рассказ заставляет иногда изменять довольно существенные детали. Основная идея, однако, в каждом рассказе сохранена, равным образом сохранены и главные моменты развития сюжета.

Многочисленные английские переводчики Толстого сохраняют в своих переводах по возможности весь русский колорит; все же своеобразные изменения внесены несомненно самим Прем Чандом.

Прем Чанд видел главные достоинства рассказов Толстого в возвышенных идеях и простоте языка, доступного крестьянам (русским, конечно). Стремясь передать эти идеи на языке, столь же доступном индийскому крестьянину, он и ввел значительные местные изменения и выполнил свою задачу с большим успехом. Местная пресса совершенно права, говоря в отзывах о «Рассказах», что «знаменитый Прем Чанд сообщил им такую прелесть и простоту, что их можно принять за его собственные произведения».

Сказки и рассказы Л. Толстого особенно популярны среди свараджистской интеллигенции, т. е. тех очень многочисленных кругов ее, которые стремятся к политической независимости Индии (svaṛāj). Помимо моральных идей Толстого, которые для индусов, как отмечено, вовсе не являются новостью, свараджистов привлекают его анархические идеи, отрицание государства. Свараджисты стремятся использовать их в своей борьбе за освобождение от иностранного владычества.

По этой причине представители индийского правительства рассматривают «Сказки и рассказы Л. Толстого» как книжку крамольную. Не безынтересно отметить, что в одной сцене драмы Прем Чанда Samgrām («Борьба») полиция, производящая обыск у одного свараджиста заминдара, арестовывает его именно за наличие в его библиотеке рассказов Л. Толстого.¹

Не лишено вероятия, что идеи Толстого оказали влияние на то, в какой форме выразилась борьба Индии с англичанами в последние годы. Хотя в настоящее время трудно говорить об этом с полной уверенностью, однако тот факт, что вождь освободительного движения Ганди и его ближайшие сотрудники являются последователями Толстого не только на словах, но и

---

¹ प्रेमचन्द । संग्राम । कलकत्ता १९७६ стр. 192.

в своих действиях, а также то, что борьба, по крайней мере на своих первоначальных этапах, протекала именно в форме «несотрудничества, не сотрудничества» (asahāyog), сообщает значительную долю вероятности высказанному предположению.¹

Во всяком случае постановления национального конгресса, которыми было начато несотрудничество, совершенно в Толстовском духе.

Ганди, в противоположность другим группам свараджистской партии, в своей брошюре Kāngres,² где он разъяснял смысл принятых постановлений конгресса, придает политической борьбе моральный характер, рассматривает ее как своеобразное нравственно-религиозное дело.

В своих речах в различных концах Индии он всемерно высказывается против применения оружия, так как по его мнению святое дело освобождения страны не должно быть загрязнено пролитием крови. Он не желает свараджа, если со злом, стоящим на пути к нему, нужно бороться при помощи подобного же зла. Для него неприемлема сильная независимая Индия, базирующаяся на тех же основах, что и империалистические державы; он жаждет видеть в Индии сварадж, основанный исключительно на нравственных принципах. Об этом пишет он в многочисленных статьях и брошюрах. Этим же настроением проникнуты следующие ему писатели, среди которых первое место занимает Прем Чанд, близко стоящий к Ганди.

Знаменательно, что Прем Чанд работал над переделкой сказок и рассказов Толстого именно в период несотрудничества Индии с англо-индийским правительством, и что Talstāy kī kahāniyān вышли в серии книжек, популяризировавших идеи несотрудничества (asahāyog). **А. Баранников.**

26. St. Kramrisch. Grundzüge der indischen Kunst. Avalun-Verlag in Hellerau bei Dresden (1924). Pp. 141—Tf. 48. in fol.

Книга Стеллы Крамриш принадлежит отчасти к числу нередких теперь, рассуждающих об индийском искусстве книг. До известной степени они нужны, потому что возбуждают широкий интерес к искусству. Притом Ст. Крамриш отличается чрезвычайно выгодно от авторов подобных книг тем, что ей доступны первоисточники, и тем, что она знает Индию на месте. Книга делится на ряд неравных по значению глав: 1. Введение, 2. Миф и форма, 3. Природа, 4. Пространство, 5. Ритм, 6. Моменты последовательного развития, 7. Описание таблиц. Приложение: Библиография, Указатель, Перечень таблиц, Хронология таблиц, Таблицы.

¹ То же самое доказывается в книге P. Birukoff, Tolstoi u. der Orient. Zürich-Leipzig (1925). [Сообщение С. Ф. Ольденбурга].

² महात्मा गान्धी । काँग्रेस । कलकत्ता १९७८ стр. ३.